

продолжалось, спокойствие ничто не нарушало! Начало темнеть, читать было не видно. Слуги княгинины, чтобы не беспокоить близостию господ, стояли с каретою вдалеке за монастырем. Две дамы и историограф, прекратив чтение, наслаждались прохладой вечера и, вероятно, Николай Михайлович их добру учил, как вдруг приходит к Лизину пруду человек восемь молодых купеческих сидельцев. Сорванцы, посмотрев на историографа и на дам, спросили их: „Что вы тут делаете?“ Николай Михайлович начал им что-то ораторствовать; только двое из удалцов схватили историографа и сказали ему, чтобы он не пикнул, а если отважится отворить рот,— они отправят его в пруд разговаривать с Лизой. Между тем другие по очереди учили княгиню Прасковию и наперсницу ея Морозову — чему? Про то знают княгиня, Морозова и знал покойный историограф. <...> С того времени Николай Михайлович читал, а княгиня слушала всегда в будуаре». ³²

Во втором эпизоде мы видим Карамзина в том же кругу развлечений барской Москвы, общем для него и Долгорукова. Мансурова — это красавица, за которой Долгоруков в бытность ее бедной девушкой на выданье ухаживал в Петербурге. Богатый брак позволил ей присоединиться к жизни московского света, где Долгоруков по старому знакомству стал неизменным участником ее домашних спектаклей.

«Князь Иван Дмитриевич Трубецкой <...> давал в доме своем на Девичьем поле бал со всевозможными причудами: благородный театр, сюрпризы супруге своей Екатерине Александровне, урожденной Мансуровой, иллюминация и фейерверк. <...> Сюрприз был подготовлен в фейерверке: статуя, представляющая *Fidélité*, при окончании фейерверка должна быть освещена бриллиантовым огнем и на пьедестале, в транспаранте блистать стихи в честь супружескую. <...> Прогорела штука, вторая, третья, может быть, и до десяти, наконец после возникшей тьмы надобно было зажечь — осветить изображение. Фейерверкер поднес фитиль князю Ивану Дмитриевичу, он был должен зажечь на натянутом шнуре голубка, который понес искру пламенной любви его сиятельства к обожаемой. В восторге, в восхищении зажег князь куклу-голубка, искусно сделанную фейерверкером. Куколка побежала по натянутому шнурку с быстротою молнии; прибежала к *Fidélité*, зажгла, и что увидели? живую — супругу князя Катерину Александровну за статуей <...> *faisant une infidélité!* Что же? Ничего. Все видели княгиню, никто не ошибся, но князя-супруга уверили и удостоверили, что то была не *femme de chambre* <...>. Николай Михайлович Карамзин был сочинителем стихов в честь *fidélité*, сам присутствовал на бале, видел все происшествие и вместе с прочими уверял князя, что за статуею *Fidélité* видели женщину, но то была не княгиня». ³³

Замечания и дополнения Долгорукова к текстам печатаются с указанием заглавий затронутых правкой стихотворений по порядку их размещения в издании и в соответствии с указаниями автора, к каким местам текста относятся или в какие места вставляются. Отметим также, что допол-

³² Тургенев А. М. Записки // Былое. 1918. Кн. 13. С. 173–174.

³³ Там же. С. 172.